

Квинту Цицерону

КНИГА ПЕРВАЯ

[Вступление.] 1. Когда я размышляю о старине, 1
брат мой Квинт, и воскрешаю ее в памяти, что случается нередко, мне всегда блаженными кажутся те, кто жил в лучшие времена республики, кто блистал и почестями, и славой подвигов и кто мог пройти жизненное поприще так, чтобы на государственной службе не знать опасностей, а на покое сохранять достоинство. Так, было время, когда я думал, что и мне, по справедливости и по общему признанию, можно будет предаться отдыху и обратиться к любимым нами обоими славным наукам, если по преклонности лет и по завершении всего ряда должностей всем моим бесконечным заботам на форуме и хлопотам о почестях придет конец. Но эту надежду, на которую обращены 2
были мои помыслы и намерения, обманули как тяжелые общественные бедствия, так и превратности собственной моей судьбы. В то самое время, когда, казалось, можно было особенно рассчитывать на покой и безмятежность, вдруг грянули грозы, взбушевались бури, — и вот, несмотря на все мое желание и ожидание, я так и не мог насладиться досугом, заняться усидчиво теми науками, которым мы были преданы с детства, и снова возделывать их нашими общими усилиями. Юность моя совпала как раз с потрясением 3

прежнего порядка вещей, консульство поставило меня среди самого разгара решительной борьбы за существование государства, а все время после консульства до сих пор я противостояю тому погибельному потоку, который мне удалось отвести от общества, чтобы обрушить на мою собственную голову.

И все ж, несмотря на весь гнет обстоятельств и на недостаток времени, я последую своему влечению к науке, и тот досуг, который мне оставят козни врагов, или тяжбы друзей, или дела государства, отдам преимущественно литературной деятельности. Тебе же, брат мой, уж конечно, не будет у меня отказа, обратишься ли ты ко мне с советом или с просьбой, потому что ничьему авторитету и ничьим желаниям я не покоряюсь охотнее, чем твоим. 2. В данном случае я считаю нужным возвратиться к воспоминанию об одном давнем происшествии: правда, оно не вполне сохранилось в моей памяти, но думаю, что оно лучше всего ответит на твой вопрос: ты узнаешь, как смотрели на всю теорию красноречия те, которым не было равных и в речах, и в славе. Ты не раз говорил мне, что сочинение, которое когда-то в дни моего отрочества или нежной юности вышло из моих школьных записок, было незаконченным и незрелым, что оно уже недостойно моих лет и моей опытности, почерпнутой из стольких важных дел, которые мне приходилось вести, и что я должен издать об этом предмете что-нибудь более обработанное и совершенное. Кроме того, при наших рассуждениях ты нередко расходился со мной во мнениях: я полагаю, что красноречием можно овладеть, лишь сравнившись в знаниях с образованнейшими людьми, тогда как ты совершенно отделяешь его от основательности знаний и видишь в нем только плод известной природной способности и упражнения.

[Отчего так мало выдающихся ораторов.] Я неоднократно присматривался к людям необыкновенным и одаренным необыкновенными способностями, и это навело меня на такой вопрос: почему среди всех наук и искусств красноречие выдвинуло меньше всего замечательных представителей? В самом деле, в какую сторону ни обратишь свое внимание и мысли, увидишь множество людей, отличившихся в любой отрасли знаний, и знаний не мелких, а, можно сказать, наиважнейших. Если судить о знаменитых людях с точки зрения пользы или величия их деяний, то кто не поставит, например, полководца выше оратора? А между тем всякий согласится, что в одном нашем государстве мы можем указать превосходнейших военачальников чуть не бесчисленное множество, а выдающихся ораторов — едва несколько человек. Даже таких людей, которые своими мудрыми решениями способны вести и направлять государство, достаточно много выступило в наши дни, еще больше — на памяти наших отцов и тем более — на памяти предков, тогда как хороших ораторов очень долго не было вовсе, а сносных — едва найдется по одному на каждое поколение. При этом не следует думать, что искусство красноречия уместнее сопоставлять с такими научными занятиями, которые требуют отвлеченного мышления и широкой начитанности, нежели с воинскими достоинствами полководца или рассудительностью хорошего сенатора: достаточно лишь посмотреть на такие науки, чтобы увидеть, как много ученых стяжало ими себе известность, и чтобы понять, как мало ораторов и в наши дни, да и во все времена.

3. Например, ты знаешь, что та наука, которую греки зовут философией, признается лучшими учеными за прародительницу и как бы мать всех упомянутых

- наук; и тем не менее трудно даже пересчитать, сколько людей с какими знаниями, с какой разносторонностью и полнотой интересов подвизались на поприще этой науки, и не только в какой-нибудь отдельной ее области, но даже, насколько это возможно, в полном ее составе, как исследуя ее содержание, так и систематически его излагая. А так называемые математики? Кому не известно, как труден для понимания их предмет, как отвлеченна, многосложна и тонка их наука? Однако же и здесь явилось столько знатоков своего дела, что, по-видимому, едва ли не всякий, хорошенько поработав над предметом, вполне достигал своей цели. А музыка? А изучение словесности, которым занялись так называемые грамматики? Кто, предавшись этим предметам со всем усердием, не узнал и не изучил их во всем их беспредельном объеме и содержании? Пожалуй, если я не ошибаюсь, из всех тех, кто посвятил свои силы этим благородным искусствам и наукам, всего меньше вышло замечательных поэтов. Но если даже на этом поприще, на котором блестящие дарования являются очень редко, тебе вздумается ради сравнения выбрать лучших как между нашими соотечественниками, так и между греками, то все-таки хороших ораторов найдется гораздо меньше, чем хороших поэтов. Это должно казаться тем более удивительным, что в остальных науках и искусствах познания обыкновенно черпаются из отвлеченных и труднодоступных источников, в красноречии же общие основы находятся у всех на виду, доступны всем и не выходят за пределы повседневных дел и разговоров; потому-то в других науках более ценится то, что менее доступно пониманию и представлениям непосвященных, в красноречии же, напротив, нет порока больше, чем уклонение от обык-

новенного склада речи и от общепринятых понятий.

4. Несправедливо было бы также сказать, будто прочие науки больше привлекают к себе людей или будто изучение их сопряжено с бóльшим наслаждением или с обширнейшими надеждами и со значительнейшим вознаграждением. Я уж не буду говорить о Греции, которая всегда стремилась быть первой в красноречии, и о пресловутом отечестве всех наук, Афинах, где ораторское искусство было и открыто и доведено до совершенства; но ведь и в нашем отечестве, уж конечно, ничего никогда не изучали усерднее, нежели красноречие. В самом деле, по установлении всемирного нашего владычества, когда продолжительный мир окончательно обеспечил досуг, едва ли был хоть один честолюбивый юноша, который бы не стремился постигнуть во что бы то ни стало искусство оратора. При этом сначала, чуждые всяких теоретических познаний, не подозревая существования никаких методов в упражнении и никаких правил в науке, они доходили только до той ступени, которой могли достигнуть одним своим умом и своими силами. Но впоследствии, послушав греческих ораторов, познакомившись с их сочинениями да прибегнув к помощи преподавателей, наши земляки возгорелись просто невероятным усердием к красноречию. Этому содействовали значительность, разнообразие и множество всевозможных судебных дел, вследствие чего к познаниям, какие каждый приобрел своим личным прилежанием, присоединялось частое упражнение, которое важнее наставлений всяких учителей. А сулил этот род занятий те же награды, что и теперь, — и популярность, и влияние, и уважение. Что же касается природных дарований, то уж в этом отношении наши земляки, как мы можем заключить по многим примерам,

далеко превзошли всех прочих людей какого угодно происхождения. Сообразив все эти обстоятельства, разве мы не вправе удивляться, что во всей истории поколений, эпох, государств мы находим такое незначительное число ораторов?

[Трудность красноречия.] Но это объясняется тем, что красноречие есть нечто такое, что дается труднее, чем это кажется, и рождается из очень многих знаний и стараний. 5. И точно, при взгляде на великое множество учащих, необыкновенное обилие учителей, высокую даровитость народа, бесконечное разнообразие тяжб, почетные и щедрые награды, ожидающие красноречие, какую можно предположить другую причину этого явления, кроме как невероятную обширность и трудность самого предмета? В самом деле, ведь здесь необходимо усвоить себе самые разнообразные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоте самой речи, и не только отбором, но и расположением слов; и все движения души, которыми природа наделила род человеческий, необходимо изучить до тонкости, потому что вся мощь и искусство красноречия в том и должны проявляться, чтобы или успокаивать, или возбуждать души слушателей. Ко всему этому должны присоединяться юмор и остроумие, образование, достойное свободного человека, быстрота и краткость как в отражении, так и в нападении, проникнутые тонким изяществом и благовоспитанностью. 18. Кроме того, необходимо знать всю историю древности, чтобы черпать из нее примеры; нельзя также упускать знакомства с законами и с гражданским правом. Нужно ли мне еще распространяться о самом исполнении, которое требует следить и за телодвижениями, и за жестикующей, и за выражени-

ем лица, и за звуками и оттенками голоса? Как это трудно само по себе, показывает даже легкомысленное искусство комедиантов в театре: хоть они и силятся владеть и лицом, и голосом, и движениями, но кто не знает, как мало меж ними и было и есть таких, на которых можно смотреть с удовольствием? Наконец, что сказать мне о сокровищнице всех познаний — памяти? Ведь само собою разумеется, что если наши мысли и слова, найденные и обдуманые, не будут поручены ей на хранение, то все достоинства оратора, как бы ни были они блестящи, пропадут даром.

Поэтому перестанем недоумевать, отчего так мало людей красноречивых: мы видим, что красноречие состоит из совокупности таких предметов, из которых даже каждый в отдельности бесконечно труден для разработки. Постараемся лучше добиться, чтобы наши дети и все, чья слава и достоинство нам дороги, полностью представили себе эту трудность задачи и поняли бы, что привести их к желанной цели никак не могут те правила, учителя и упражнения, к которым прибегают нынче все, а нужны какие-то совсем другие. 6. По крайней мере, мое мнение таково, что невозможно быть во всех отношениях достойным оратором, не изучив всех важнейших предметов и наук. Речь должна расцветать и разворачиваться только на основе полного знания предмета; если же за ней не стоит содержание, усвоенное и познанное оратором, то словесное ее выражение представляется пустой и даже ребяческой болтовней. Но в своих требованиях от ораторов, особенно от наших при их недосуге за множеством общественных обязанностей, я отнюдь не иду так далеко, чтобы требовать от них всеохватных познаний, — хотя уже в самом понятии «оратор» и в притязании на красноречие как

- 22 будто лежит торжественное обязательство говорить на всякую предложенную тему красиво и изобильно. Нет, конечно, большинству такая задача покажется просто непомерной; ведь даже греки, богатые не только дарованиями и ученостью, но и досугом и рвением к науке, тем не менее разбили всю ее область на известные участки и не пытались в одиночку охватить ее целиком: так, они выделили из остальных видов словесного искусства ту отрасль красноречия, которая занимается всенародными прениями в судах или собраниях, и одну лишь ее предоставили оратору. Поэтому в этих книгах я ограничусь лишь тем, что по основательном исследовании и зрелом обсуждении предмета отнесено к этой области почти единодушным
- 23 приговором знаменитостей. Но это будет не перечень правил, начиная с азов наших собственных давних детских познаний; нет, это будут предметы, которые, как я слышал, обсуждались некогда в разговоре наших земляков, мужей в высшей степени красноречивых и превознесенных всякими почестями. Я не отрицаю важности наставлений, завещанных знатоками и наставниками греческого красноречия, но так как они общедоступны и открыты для всех и мое изложение не прибавит им ни ясности мысли, ни изящества формы, то, надеюсь, ты позволишь мне, любезный брат, мнению тех мужей, которые у нас почитались первыми в витийстве, отдать преимущество перед суждениями греков.
- 24 [Обстоятельства диалога.] 7. Итак, вот что мне рассказывали.

Когда консул Филипп ожесточенно нападал на первых лиц в государстве и Друз, взявший на себя трибунство для защиты влияния сената, стал, казалось, терять свое значение и силу, — тогда-то, гово-

рят, во время римских игр знаменитый Луций Красс, как будто бы для отдыха, отправился в свое тускульское имение. Туда же прибыл Квинт Муций, его бывший тесть, и Марк Антоний, человек, разделявший взгляды Красса на дела государственные и, кроме того, связанный с ним тесной дружбой. Вместе с Крассом отправились туда двое юношей, большие приятели Друза, в которых старшие видели тогда будущих поборников своих прав, именно Гай Котта, искавший в то время плебейского трибунства, и Публий Сульпиций, который, как думали, собирался искать этой должности на следующий год. 25

В первый день они много говорили о тогдашних обстоятельствах и о положении государства вообще, что и было настоящей целью их прибытия, и так протолковали до исхода дня. В своей беседе, как рассказывал мне Котта, эти три консуляра, словно по наитию, горестно предсказывали многие события, так что ни одна из тех бед, которые впоследствии постигли государство, не укрылась за столько времени от их прозорливости. Однако по окончании всей этой беседы Красс повел себя так легко и сердечно, что когда они после бани легли за стол, то мрачный тон прежней беседы исчез совершенно. Хозяин был так весел и так остроумен в шутках, что день у них вышел как будто сенатский, а обед — тускуланский. 26

На следующий день, когда старшие успели отдохнуть, все пошли на прогулку. И вот тогда Сцевола, прошед два или три конца, сказал: 27

— Отчего, Красс, мы не берем примера с Сократа в Платоновом «Федре»? Меня надоумил твой платан: укрывая это место от лучей, он раскинулся своими развесистыми ветвями не хуже, чем тот, тень которого привлекла Сократа, хоть мне и кажется, что 28

тот платан вырос не столько благодаря ручейку, который там описывается, сколько благодаря самой речи Платона. Сократ разлегся под тем платаном на траве и в таком положении вел свои речи, которые философы приписывают божественному откровению; а то, что он сделал при своих закаленных ногах, во всяком случае еще справедливее предоставить моим.

29 — Зачем? — сказал Красс. — Можно еще удобнее!

Он потребовал подушек, и все уселись на тех сиденьях, которые были под платаном.

[Первая речь Красса: похвала красноречию.]

8. Здесь-то, чтобы изгладить впечатление прежнего разговора, Красс и завел разговор о занятиях красноречием. Котта рассказывал об этом не раз. Начал Красс с того, что, по его мнению, ему приходится не поощрять Сульпиция и Котту, а скорее хвалить их обоих за то, что они уже достигли такого искусства, что их не только предпочитают их сверстникам, но и равняют со старшими. «Право, — сказал он, — я не знаю ничего прекраснее, чем умение силою слова приковывать к себе толпу слушателей, привлекать их расположение, направлять их волю куда хочешь и отвращать ее откуда хочешь. Именно это искусство у всех свободных народов и главным образом в мирных и спокойных государствах пользовалось во все времена особым почетом и силой. В самом деле, можно ли не восхищаться, когда из бесчисленного множества людей выступает человек, который один или в числе немногих умеет осуществить на деле то, что таится во всех лишь в виде врожденной способности? И что так приятно действует на ум и на слух, как изящно отделанная речь, блистающая мудрыми мыслями и полными важности словами? Или что производит такое могущественное и возвышенное впечатление, как ко-

30

31

гда страсти народа, сомнения судей, непреклонность сената покоряются речи одного человека? Далее, что так царственно, благородно, великодушно, как подавать помощь прибегающим, ободрять сокрушенных, спасти от гибели, избавлять от опасностей, удерживать людей в среде их сограждан? С другой стороны, что так необходимо, как иметь всегда в руках оружие, благодаря которому можно то охранять себя, то угрожать бесчестным, то мстить за нанесенную обиду? Но даже помимо этого, даже на покое, вдали от форума, с его судейскими скамьями, трибунами, курией, — что может быть отраднее и свойственнее человеческой природе, чем остроумная и истинно просвещенная беседа? Ведь в том-то и заключается наше главное преимущество перед дикими зверями, что мы можем говорить друг с другом и выражать свои ощущения словом. Как же этим не восхищаться и как не употребить все силы, чтобы превзойти всех людей в том, в чем все люди превзошли зверей? Но даже этого мало. Какая другая сила могла собрать рассеянных людей в одно место, или переменить их дикий и грубый образ жизни на этот человеческий и гражданственный быт, или установить в новосозданных государствах законы, суды и права? Чтобы не громоздить примеры до бесконечности, я выражу свою мысль в немногих словах: истинный оратор, говоря я, своим влиянием и мудростью не только себе снискивает почет, но и множеству граждан, да и всему государству в целом приносит счастье и благополучие. Поэтому продолжайте, молодые люди, идти намеченным путем и прилагайте старание к изучению избранного вами предмета себе во славу, друзьям в пользу и государству во благо.

35 [Возражение Сцеволы.] 9. На это Сцевола возразил с обычной учтивостью:

— Я во всем готов согласиться с Крассом, чтобы не умалять искусства и славы Гая Лелия, моего тестя, или тебя, моего зятя; но не знаю, Красс, могу ли я уступить тебе вот по каким двум вопросам. Во-первых, ты говоришь, что государства бывали обязаны ораторам как своим первоначальным устройством, так нередко и дальнейшим сохранением; во-вторых, ты утверждаешь, что оратор, даже помимо форума, сходки, судов и сената, во всех речах и во всех благородных знаниях представляет собою высшее совершенство. Но можно ли согласиться с тобой, что когда
36 род человеческий, рассеянный по горам и лесам, затворился в городах и стенах, то достигнуто это было не убедительными советами мужей благоразумных, а вкрадчивыми словами людей речистых? Можно ли согласиться, что и все остальные полезные установления при устройстве или сохранении государств введены не теми, кто мудр и храбр, а теми, кто речист и
37 красиво говорит? Неужели ты действительно думаешь, что наш Ромул сплотил пастухов и пришельцев, завязал брачные отношения с сабинянами, отразил нападения соседей силою красноречия, а не своею редкой находчивостью и мудростью? Ну а у Нумы, а у Сервия Туллия, а у прочих царей, которые оставили много превосходных установлений для устройства государства, разве виден хоть след красноречия? Ну а после изгнания царей — да и само-то изгнание совершилось, как видно, благодаря уму, а не языку Л. Брута, —
38 после изгнания царей разве не видим мы в Риме обилие мысли и отсутствие слов? Да если бы мне пришла охота воспользоваться примерами как нашего государства, так и других, то, право, я легко мог бы по-

казать, что люди наиболее красноречивые приносили государствам больше вреда, чем пользы. Об остальных я говорить не буду, но самые красноречивые люди, которых мне приходилось слышать, — за исключением вас двоих, Красс, — были, по моему мнению, Тиберий и Гай Семпроний. Отец их, человек благоразумный и почтенный, но совсем не красноречивый, немало сделал для благополучия государства, особенно во время своего цензорства, когда он перевел отпущенников в городские трибы, и сделал это не старательной многоречивостью, а только силой воли и твердым словом; и хоть мы и теперь едва держим власть в своих руках, но, кабы не он, мы бы давно уж совсем ее потеряли. А вот его речистые сыновья, и природой, и наукой подготовленные для витийства, застали государство в том цветущем состоянии, в которое его привели находчивость их отца и оружие деда, и сами разорили его вконец красноречием, этим, по твоим словам, превосходным орудием управления. 10. Ну а старинные законы и обычаи предков? А гадания, которыми к великой пользе государству мы оба заведует, как я, так и ты, Красс? А священные действия и обряды? А постановления гражданского права, знание которых давным-давно живет в нашем собственном семействе безо всяких заслуг в деле красноречия? Разве ораторы все это изобрели? Разве они все это знают или вообще хоть занимались этим? Мне, по крайней мере, очень памятен и Сервий Гальба, человек божественного красноречия, и Марк Эмилий Порцина, и сам Гай Карбон, которого ты разгромил в своей юности и который законов не знал вовсе, обычаи предков знал еле-еле, а гражданское право — в лучшем случае посредственно; и если исключить тебя, Красс, так как ты изучил у меня гражданское право, хотя больше по

39

40

собственному усердию, чем по какому-нибудь непрременному требованию ораторского искусства, то и нынешнее поколение до такой степени не знакомо с правом, что подчас бывает стыдно.

- 41 Ну а что сказать о конце твоей речи, в которой ты, словно решая тяжбу, предоставлял оратору право рассуждать обо всем на свете со всею возможною полнотою? Право, не будь мы здесь, в твоём царстве, я тотчас же принял бы меры и помог бы многим вчинить против тебя иск посредством ли интердикта, путем ли наложения рук, — и все за то, что ты так необузданно
- 42 вторгся в чужие владения. Прежде всего с тобой завели бы тяжбу все пифагорейцы и демокритовцы, да и прочие физики заявили бы свои права, всё народ с речью красивой и веской, и нельзя было бы тебе выиграть против них спора о залоге. Кроме того, стали бы напирать на тебя толпы философов, начиная с их родоначальника и главы Сократа, и уличать тебя в том, что ты не имеешь никакого понятия ни о добре, ни о зле, ни о движениях души, ни о людских нравах, ни о смысле жизни, что ты ровно ничего не исследовал и ничего не знаешь. А после этого общего натиска начали бы против тебя отдельные тяжбы все философские школы: набросилась бы на тебя Академия, заставляя тебя отрицать собственные слова; запутали бы тебя мои стоики в силки своих препирательств и вопросов; а перипатетики стали бы доказывать, что только к ним следует обращаться, даже за теми подспорьями и украшениями речи, которые ты считаешь бесспорной собственностью ораторов, и стали бы показывать, что Аристотель с Феофрастом писали об этом не только лучше, но и гораздо больше,
- 44 чем всевозможные учителя красноречия. Я уже не говорю о математиках, грамматиках, музыкантах, с на-

уками которых ваше красноречие не состоит ни в малейшей связи. Поэтому я полагаю, Красс, что не следует брать на себя такие громадные и многосложные обязательства. Достаточно и того, что ты и в самом деле можешь исполнить; достаточно, что в судах то дело, которое защищаешь ты, кажется справедливее и предпочтительнее, что на сходках и при подаче мнений твоя речь сильнее всех по убедительности, наконец, что люди опытные находят твоё изложение искусным, а простаки — даже справедливым. Если же тебе под силу что-то большее, то в моих глазах это заслуга не оратора, а Красса, владеющего искусством, лично ему свойственным, а не общим всем ораторам.

[Вторая речь Красса: разделение философов и ораторов.] 11. — Я очень хорошо знаю, Сцевола, — возразил Красс, — что обо всем этом идут у греков толки и споры. Ведь я имел случай слышать лучших знатоков, когда в бытность мою квестором прибыл из Македонии в Афины, где тогда, говорят, процветала Академия во главе с Хармадом, Клитомахом и Эхином. Там же был Метродор, вместе с ними учившийся у самого Карнеада, который, как говорили, превосходил всех остротой и богатством речи; в почете были Мнесарх, ученик твоего друга Панэтия, и Диодор, ученик перипатетика Критолая. Много было там и других людей, пользовавшихся славой и уважением в деле философии. Все они передо мною в один голос отстраняли оратора от кормила правления, оттесняли от всякой учености и высшего знания и загоняли его и затискивали, словно в какую мукомольню, только в одни суды и мелкие сходки. 45

И все-таки я не соглашался ни с ними, ни с самим первоначинателем этого спора, Платоном, который писал об этом убедительнее и красивее всех. Его 46

- «Горгия» я как раз тогда в Афинах вместе с Хармадом читал очень внимательно; и в этой книге Платон порождал меня особенно тем, что в своих насмешках над ораторами он казался мне сам величайшим оратором. Дело в том, что спор о словах издавна не дает покоя бедным грекам, жадным более до препирательств, чем до истины. Ведь если кто определяет оратора как такого человека, который может содержательно говорить хотя бы только при постановке и ведении тяжбы или перед народом, или в сенате, то даже при таком определении он поневоле должен признать за ним много достоинств. Без значительной опытности в общественных делах всякого рода, без знакомства с законами, обычаем и правом, без знания человеческой природы и характеров он не может действовать в этой области с достаточным чутьем и умением. А кто усвоит себе хотя бы только эти сведения, без которых даже мелочей в суде соблюсти невозможно, тому может ли быть чужд какой-нибудь предмет высшего знания? Ну а если вы настаиваете, что оратору достаточно одного умения говорить стройно, красиво и содержательно, то, скажите на милость, каким образом он может достигнуть даже этого, если вы ему откажете в высших знаниях? Красноречие немислимо, если говорящий не усвоил себе вполне избранного содержания.
- 49 Поэтому если Демокрит, знаменитый физик, по общему и моему мнению, отличался красотой слога, то предмет его изложения принадлежал физике, а красоту слога, уж конечно, следует считать принадлежностью оратора. И если Платон так божественно говорил о предметах, совершенно чуждых гражданским спорам, что я охотно признаю, если также Аристотель, Феофраст или Карнеад были красноречивы в обсуждении своих предметов и излагали их привлекатель-

но и красиво, то пусть предметы их обсуждения относятся к иным отделам научной деятельности, но сама речь их неотъемлемо принадлежит той области, значение которой мы стараемся уяснить себе в нашем разговоре. Ведь видим же мы, что другие о тех же самых предметах рассуждали сухо и скудно, например Хрисипп, с его тонкостью ума, а все-таки его философская слава не стала меньше оттого, что он не обладал искусством слова: ведь оно принадлежит другой науке. 12. Итак, откуда же разница? Почему так различны между собой роскошная полнота слога у названных мною писателей и сухость тех, которые пишут, не заботясь о разнообразии и изяществе? Очевидно, это просто люди, владеющие даром слова, от себя приносят в речь, как свое исключительное достояние, и стройность, и красоту, и особенную художественную отделку. Но такая речь без содержания, усвоенного и познанного оратором, не может иметь никакого значения или же должна быть всеобщим посмешищем. В самом деле, что может быть так нелепо, как пустой 51
звон фраз, хоть бы даже самых отборных и пышных, но за которыми нет ни знаний, ни собственных мыслей? Стало быть, любой вопрос из любой области оратор, если только изучит его, как дело своего клиента, изложит красивее и лучше, нежели сам автор и хозяин предмета. Конечно, если кто скажет, что все же есть 52
особенный, свойственный одним ораторам круг мыслей, вопросов и познаний, замкнутый оградой суда, то я соглашусь, что наше красноречие действительно чаще всего вращается в этом кругу; но с другой стороны, именно среди этих вопросов есть очень много такого, чего сами так называемые риторы не преподают, да и не знают. Кому, например, не известно, 53
что высшая сила оратора — в том, чтобы воспламе-

нять сердца людей гневом, или ненавистью, или скорбью, а от этих порывов вновь обращаться к кротости и жалости? Но достичь этого красноречием может только тот, кто глубоко познал человеческую природу, человеческую душу и причины, заставляющие ее вспыхивать и успокаиваться. Между тем вся эта область считается достоянием философов. И мой совет оратору — против этого не спорить; он уступит им познание предмета, потому что его они избрали себе исключительной целью, но оставит себе разработку речи, хоть она без этого научного содержания и пуста, ибо, повторяю еще раз, именно речь внушительная, пышная, отвечающая и чувствам, и мыслям слушателей, составляет неотъемлемое достояние оратора.

55 [Использование философов оратором.] 13. Что об этих предметах писали и Аристотель, и Феофраст, этого я не отрицаю. Но смотри, Сцевола, не служит ли и это полным подтверждением моим словам. Ведь не я заимствую у них то, что у них есть общего с оратором, а, наоборот, они свои собственные рассуждения об этих предметах признают заимствованными у ораторов. Поэтому все прочие свои книги они называют по имени своей науки, а эти и озаглавливают, и обозначают названием «Риторика». Конечно, если по ходу речи понадобятся так называемые общие места, что случается очень часто, и придется говорить о бессмертных богах, о благочестии, о согласии, о дружбе, об общечеловеческом праве, о справедливости, об умеренности, о величии души и вообще о любых добродетелях, то все гимнасии и все училища философов, чего доброго, поднимут крик, что все это их собственность, что ни до чего тут оратору нет дела. Ну что ж, я не возражаю, пусть и они по своим углам толкуют об этих предметах ради препровождения време-

ни; но зато уж оратору никак нельзя отказать в том преимуществе, что те же самые вопросы, о которых философы разглагольствуют бессильно и бледно, он умеет поставить и обсудить со всей возможной выразительностью и приятностью.

Такой взгляд я высказывал самим философам, беседуя с ними в свою бытность в Афинах. Вынуждали меня к этому настояния нашего Марка Марцелла, который теперь состоит курульным эдилом и, без сомнения, участвовал бы в этом нашем разговоре, не будь он занят устройством игр; он уж и тогда, при всей своей молодости, был чрезвычайно предан таким занятиям.

[Оратор должен учиться наукам у знатоков.] 58
Но пойдём далее и обратимся к иным вопросам: о законах, о войне и мире, о союзниках и данниках, о распределении прав между гражданами по сословиям и возрастам. Пусть и здесь греки говорят, если хотят, что Ликург и Солон (хотя, по-моему, их по праву можно причислить и к ораторам!) знали все это лучше, чем Гиперид или Демосфен, совершеннейшие мастера художественного слова; пусть и наши земляки своих дедовцев, составителей XII таблиц, обладателей заведомо высокого разума, ставят выше как Сервия Гальбы, так и твоего тестя Гая Лелия, ораторов, стяжавших бесспорную славу; конечно, я никогда не стану отрицать, что есть науки, составляющие исключительную собственность тех, кто все свои силы положил на их уразумение и разработку. Но я все-таки остаюсь при 59
мнении, что настоящий и совершенный оратор решительно обо всяком предмете сумеет говорить содержательно и разнообразно. 14. Ведь и в таких делах, которые все признают собственностью ораторов, нередко попадают такие вопросы, что для разъяснения их

Содержание

ОБ ОРАТОРЕ. *Перевод Ф. А. Петровского*

КНИГА ПЕРВАЯ 7

Вступление (7–8). Отчего так мало выдающихся ораторов (9–12). Трудность красноречия (12–14). Обстоятельства диалога (14–16). Первая речь Красса: похвала красноречию (16–17). Возражение Сцеволы (18–21). Вторая речь Красса: разделение философов и ораторов (21–24). Использование философов оратором (24–25). Оратор должен учиться наукам у знатоков (25–29). Реплика Сцеволы и ответ Красса (29–31). Речь Антония о предмете красноречия (31–36). Переход к новой теме (36–39). Речь Красса. Качества оратора и их формирование (39–41). Дарование (41–47). Наука (48–51). Упражнения (51–55). Реплики Котты и Сцеволы (55–57). Право: его важность (57–59). Незнание права — бесстыдство (59–64). Незнание права — нерадивость (64–67). Знание права приятно и почетно (67–71). Обмен мнениями (71–73). Речь Антония. Красноречие и политика (73–76). Красноречие и философия (77–82). Красноречие и право (82–91). Назначение оратора (91–93). Заключение (93–94).

КНИГА ВТОРАЯ 95

Введение (95–98). Обстоятельства диалога (99–104). Речь Антония: похвала красноречию (104–108). Область красноречия и роды речей (108–111). Отмежевание от истории (111–115). Отмежевание от общих вопросов (115–119). Критика риторических разделений (119–123). Дарование оратора (123–125). Необходимость образца (125–128). Изучение дела и выявление спорного пункта (128–132). Три задачи

красноречия. 1. Доказать. (132–137). Разработка доводов (137–141). Отношение к правоведению (141–144). Отношение к философии (144–148). Разработка доводов: окончание (148–152). Услаждение (153–155). Волнение (155–163). Средства возбуждения страсти (163–167). Юмор и остроумие (167–174). Пять вопросов о смехе (174–178). Смешное в словах (178–184). Смешное в предметах (184–193). Заключение вопроса о нахождении (193–198). Расположение (198–206). Отступление о совещательном и хвалебном красноречии (206–211). Память (211–215). Заключение (215–218).

КНИГА ТРЕТЬЯ 219

Введение (219–224). Обстоятельства диалога (224–226). Единство и разнообразие красноречия (226–231). Правильность (231–234). Ясность (234–235). Красота (235–237). Отступление: раскол философии и риторики (237–243). Отступление: оратор должен сочетать философию и красноречие (243–250). Красота: ее распределение (250–253). Амплификация (253–254). Общий вопрос (254–258). Необходимость общего образования для оратора (258–266). Возвращение к теме (266–268). Слова по отдельности: простые и новообразованные (268–270). Слова по отдельности: переносные (270–276). Слова в связной речи: расположение (276–277). Слова в связной речи: ритм (277–287). Фигуры речи (287–290). Уместность (290–291). Произнесение (291–297). Заключение (297–298).

ОРАТОР. *Перевод М. Л. Гаспарова* 299

Посвящение (301). Трудности темы (301–303). Идеальный характер рисуемого образа оратора (303–304). Оратор должен обладать философским образованием (304–306). Оратор должен владеть всеми тремя стилями речи (307–309). Нельзя замыкаться в одном стиле. (309–311). Переход к теме: новое посвящение (311–312). Напоминание о трудностях (312–313). Ограничение темы судебным красноречием (313–315). План (315–316). «Что сказать»: нахождение (316–317). «Где сказать»: расположение (317–318). «Как сказать» (318–319). Произнесение (319–321). Изложение: вступление (321). Отличие речи от философии, софистики, истории, поэзии (321–323). Три задачи и три стиля: понятие об

уместности (324–326). Простой род (326–331). Умеренный род (331–333). Высокий род (333–334). Оратор должен владеть всеми тремя стилями речи (334–338). Оратор должен обладать философским и научным образованием (338–341). Оратор должен владеть риторической техникой (341–343). Общий вопрос и амплификация (343–344). Этос и пафос (344–346). Фигуры мысли и слова (346–349). Отступление: к лицу ли государственному деятелю рассуждать о красноречии? (349–352). Соединение слов (352–359). Со звукие отрезков (359–361). Ритм: введение (361–364). Ритм: происхождение (364–365). Ритм: причина (365–366). Ритм: сущность (366–367). Ритм в целом (367–369). Стопы (369–372). Сочетание стоп (372–375). Ритм: употребление (375–377). Использование клаузул (377–380). Использование расположения слов (380–381). Использование отрезков и членов (381–384). Ритм: его польза (384–387). Ритм: похвала ему (387–388). Заключение (388–389).

Примечания	390
Указатель имен	474